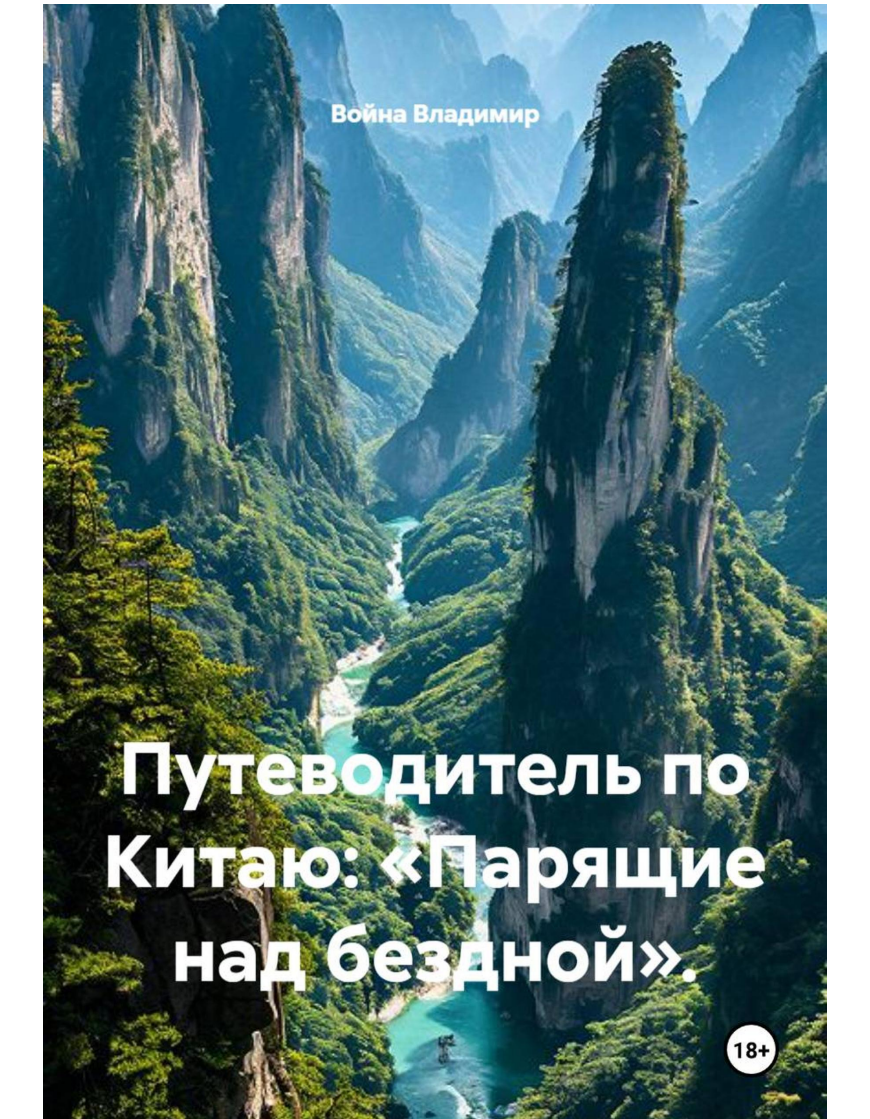

Война Владимир

Путеводитель по Китаю: «Парящие над бездной».

18+

Война Владимир

Путеводитель по Китаю: «Парящие над бездной».

<https://litres.ru/74059211>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Парящие над бездной: 20 глав головокружительного странствия по горам «Аватара»

Продолжение захватывающего путешествия, начатого в «Туманном драконе Ли».

Гуанси остался позади. Его нефритовые реки, бамбуковые плоты и жасминовые туманы больше не манят. Но Китай зовёт дальше — туда, где горы взмывают в небо, где кварцевые пики пронзают облака, а стеклянные мосты заставляют идти на четвереньках из-за страха перед высотой.

Чжанцзяцзе — горы, ставшие прообразом Пандоры из «Аватара». Здесь реальность сливается с фантастикой, а легенды о драконах звучат убедительнее, чем учебники геологии.

Это не просто продолжение путешествия. Это вертикальное восхождение, где страх превращается в восторг, а горы становятся живыми собеседниками.

Дракон не спит. Дракон ждёт. Теперь он ждёт вас.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Путеводитель по Китаю: «Парящие над бездной».

Глава

Введение

Откуда берутся парящие горы, или История, которую мне рассказал старик

Всё началось не с билета на самолёт. Не с путеводителя, купленного в магазине на Арбате. И даже не с фотографии, случайно увиденной в интернете. Всё началось с истории. Старой, как эти горы, и такой же невероятной.

Я сидел в московской кофейне — дождь барабанил по стеклу, ноябрьский ветер гнул голые ветки, — и листал ленту новостей. Где-то мелькнул заголовок: «Китай закрывает стеклянный мост в Чжанцзяцзе — туристы боятся идти». Я кликнул. И пропал.

На экране был мост. Не просто мост — полоска стекла, подвешенная между двумя кварцитовыми столбами на высоте триста метров. Внизу — бездна. Вокруг — пики, пронзающие облака. Люди на фотографии ползли по стеклу на четвереньках, вцепившись в поручни, а один мужчина лежал ничком, и его пыталась поднять жена.

Я засмеялся. А потом стал читать дальше. И узнал, что

эти горы — не просто горы. Это прообраз Пандоры из «Аватара». Что здесь снимал свои фильмы Джеймс Кэмерон. Что здесь есть канатная дорога длиной в семь километров, идущая над пиками. И что миллионы лет назад здесь плескался океан, а потом ушёл, оставив после себя этот фантастический лес из песчаника и кварцита.

Я закрыл ноутбук и понял: я должен это увидеть.

Легенда, которую стоит рассказать

Но настоящая история началась позже. Уже там, в Чжанцзяцзе. Я сидел на краю смотровой площадки, свесив ноги в пропасть (не делайте так, спасатели этого не любят), и ко мне подсел старик. Маленький, сухонький, с лицом, напоминающим карту звёздного неба — морщины, как линии созвездий. Одет в синюю робу, на голове — выцветшая кепка с красной звездой. Он был из местных, из народности туцзя.

«Красиво, да?» — спросил он по-китайски, но я понял без перевода.

И он рассказал мне легенду. Не для денег, не потому что он гид. Просто потому что сидеть молча на вершине мира, когда рядом иностранец, — неправильно.

Давным-давно, сказал он, здесь не было гор. Было море. Огромное, бескрайнее, полное соли и жизни. В море жил дракон по имени Тяньлун — Небесный Дракон. Он был молодым, любопытным и страстно любил одну драконицу, чьё имя старик не смог вспомнить (или не захотел называть).

Но драконица была ветреной. Она ушла к другому — к

дракону Западных Морей. Тяньлун, обезумев от горя, рванулся в небо, ударил хвостом по морскому дну и взмыл ввысь. Его удар был так силен, что дно треснуло, океан отступил, а песчаник и кварцит, веками копившиеся на дне, взметнулись вверх тысячами колонн. Так появились эти горы — окаменевшая ярость дракона, застывшая между небом и землёй.

«Смотри, — сказал старик и указал на самый высокий пик, острый как игла. — Видишь, он темнее других? Это след драконьей крови. Тяньлун ударился о камень и оставил свою метку. С тех пор в этих горах живёт его дух. Он всё ещё тоскует. По утрам, когда туман поднимается от рек, это его дыхание. А когда ветер свистит в ущельях, это его плач».

Я слушал, и по спине бежали мурашки. Не потому, что легенда была красивой. А потому, что я смотрел на эти горы — и верил. Верил, что они не могли родиться иначе. Что геология, эрозия, тектонические плиты — это всё правда, конечно, но это лишь техническое описание чуда. А чудо требует драмы. Требуется дракона, потерявшего любовь.

Почему я пишу эту книгу

Чжанцзяцзе — это не туристический аттракцион. Это место силы. Место, где чувствуешь себя песчинкой, подвешенной между землёй и небом. Место, где страх и восторг сплетаются в такой тугой узел, что его не развязать.

Я приехал туда скептиком. Я уехал — человеком, который знает, что чудеса существуют. Не в кино, не в книгах, не в

чьих-то рассказах. А здесь, на планете Земля, в провинции Хунань, в шести часах лёта от Москвы.

В этой книге — двадцать глав моего путешествия. От получения визы до прощального взгляда на пики, тающие в облаках. Здесь будут стеклянные мосты, от которых трясутся колени. Канатные дороги, уносящие в самое сердце тумана. Встречи с людьми, которые верят в драконов и учат этому других. И момент на вершине горы Тяньцзы, когда я стоял над морем облаков и понимал: ради этого стоило родиться.

Я не обещаю вам лёгкого чтения. Местами будет страшно — я честно опишу, как у меня подкашивались ноги на стеклянном полу. Местами будет смешно — китайская бюрократия и моя борьба с острой хунаньской кухней достойны отдельной комедии. Местами будет странно — я расскажу о духах гор, о леснике, который разговаривает с деревьями, и о мастере каллиграфии, который учил меня выводить иероглиф «вечность».

Но я обещаю вам главное. Если вы прочтёте эту книгу, вы не останетесь прежним. Что-то от Чжанцзяцзе поселится в вас — как поселилось во мне. Может быть, это будет драконья тоска по несбывшейся любви. Может быть — ощущение, что небо ближе, чем кажется. А может быть — просто желание собрать чемодан и отправиться туда, где горы парят над бездной.

Старик, рассказавший мне легенду, ушёл, не попрощавшись. Я обернулся — а его уже не было. Только ветер сви-

стел в ущельях, и туман поднимался от реки, затягивая пики. Дыхание дракона. Или просто погода.

Я предпочитаю думать, что это был Тяньлун. Он всё ещё ждёт. Ждёт тех, кто готов услышать его историю.

Переверните страницу. Приключение начинается.

Ваш проводник в вертикальный мир.

Глава 1: Виза, поезд и пыль дорог: Как я добирался до Хунани

Если путешествие в Гуанси было медитацией, то дорога в Чжанцзяцзе стала экзаменом. Экзаменом на выносливость, терпение и умение спать под перестук колёс в окружении незнакомых людей, которые храпят на разные голоса, но при этом умудряются оставаться удивительно дружелюбными.

Всё началось, как и полагается, с визы. Китайская бюрократия — дама капризная, но предсказуемая: если вы однажды приручили этого дракона, второй раз он уже не кусается. Я снова собрал папку документов, снова отстоял очередь в визовом центре, снова получил паспорт с голограммой. Но теперь — с особой пометкой: в графе «Цель поездки» значилось не просто «туризм», а «Чжанцзяцзе». Словно само это слово было паролем, открывающим врата в иной мир.

Выбор пути: почему поезд, а не самолёт

До Чжанцзяцзе можно долететь. Быстро, удобно, с пересадкой в Пекине или Шанхае. Но я выбрал поезд. Не из экономии, хотя билет в спальный вагон стоил заметно дешевле авиаперелёта. А из принципа.

Самолёт — это телепортация. Вы засыпаете в одном мире, просыпаетесь в другом, и между ними — ничего, только облака и безвкусная еда в пластиковых лотках. Поезд — это путешествие в полном смысле слова. Это постепенное, сантиметр за сантиметром, проникновение в тело страны. Это мелькающие за окном рисовые поля, сменяющиеся холмами, холмы — горами, горы — теми самыми кварцитовыми столбами, которые вы пока не видите, но уже предчувствуете.

Я выехал из Пекина вечером. Западный вокзал — гигантский, шумный, пахнущий лапшой и углём — проглотил меня вместе с сотнями других пассажиров. Я нашёл своё купе, забросил рюкзак на верхнюю полку и приготовился к долгой ночи.

Соседи, которые стали частью истории

Купе было четырёхместным. Кроме меня, там ехали: пожилая пара из Хунани, возвращавшаяся домой после визита к сыну в столицу, и молодой человек по имени Сяо Вэй — студент-геолог, который ехал в Чжанцзяцзе на полевую практику.

Пожилая пара не говорила по-английски. Сяо Вэй говорил — медленно, старательно подбирая слова, но с той трогательной гордостью, с какой китайские студенты демонстрируют свои знания. Он стал моим переводчиком, гидом и собеседником на ближайшие двадцать часов.

«Почему вы едете в Чжанцзяцзе?» — спросил он, когда поезд отошёл от перрона и за окном замелькали пригороды

Пекина.

«Из-за "Аватара"», — честно ответил я.

Сяо Вэй рассмеялся. «Все так говорят. Но Чжанцзяцзе — это больше, чем "Аватар". Это место, где земля показывает свой характер. Я геолог, я должен любить камни. Но эти камни... они живые. Вы поймёте, когда увидите».

Ночь под перестук колёс

Поезд — это особая вселенная со своими законами. Здесь время течёт иначе: минуты растягиваются в часы, когда вы смотрите в окно на проплывающие огни редких деревушек, и сжимаются в секунды, когда вы задрёмываете под ритмичный стук.

Пожилая пара достала из сумок еду — домашние пельмени, завёрнутые в фольгу, варёные яйца, маринованные овощи в стеклянных банках. Они настойчиво угощали меня, и отказаться было невозможно — старушка буквально вложила пельмень мне в ладонь, приговаривая что-то на своём диалекте. Сяо Вэй перевёл: «Она говорит, что вы слишком худой. В Хунани так не принято».

Я съел пельмень. Потом ещё один. Потом меня угостили чаем из термоса — зелёным, с жасмином, заваренным прямо в вагоне. Поездная проводница — суровая женщина в форме — разносила кипяток, и каждый пассажир выходил в коридор со своей кружкой. Этот ритуал, как я узнал позже, священен для любого китайского путешественника: чай в поезде — это не напиток, это способ скоротать время и проявить

уважение к попутчикам.

Ночью я лежал на верхней полке и слушал, как поезд разговаривает с рельсами. Стук колёс складывался в слова: «Чжан-цзя-цзе, Чжан-цзя-цзе». За окном была крошечная тьма — только изредка мелькали огоньки далёких деревень. Я думал о драконе Тяньлуне, о его потерянной любви, о каменных столбах, что ждут меня где-то там, впереди. И сам не заметил, как уснул.

Пробуждение в Хунани

Проснулся я от того, что поезд замедлил ход. За окном был туман — густой, молочный, совсем не похожий на прозрачную дымку Гуанси. Хунаньский туман тяжёлый, влажный, он пахнет рекой и субтропиками.

Я спустился с полки и выглянул в окно. И замер.

Впервые в жизни я видел их. Ещё далеко, на горизонте, но уже отчётливо — кварцитовые столбы. Они торчали из тумана, как клыки какого-то немыслимого зверя, спящего под землёй. Тонкие, вертикальные, неестественно ровные. Словно их поставила здесь гигантская рука — поиграла в конструктор и забыла убрать.

Сяо Вэй стоял рядом и улыбался, глядя на моё лицо. «Я же говорил, — сказал он. — Они живые».

Поезд подходил к станции Чжанцзяцзе. Я наскоро умылся, побросал вещи в рюкзак и попрощался с попутчиками. Пожилая пара подарила мне на прощание мандарин — видимо, это универсальный китайский жест гостеприимства, ра-

ботающий от Гуанси до Хунани. Сяо Вэй оставил свой номер телефона: «Если понадобится помощь — звоните. Чжанцзяцзе большой, легко заблудиться».

Первые шаги по земле аватаров

Вокзал Чжанцзяцзе — это хаос. Организованный, по-китайски деловитый, но всё равно хаос. Таксисты кричат, зазывалы размахивают табличками, туристы тащат чемоданы, где-то играет музыка. Воздух горячий и влажный, как в парной. Я протиснулся сквозь толпу, нашёл официальную стоянку такси и сел в зелёную машину с шашечками.

«Улиньюань», — сказал я водителю, старательно выговаривая название городка у входа в национальный парк.

Водитель кивнул и вдавил педаль газа. Мы понеслись по извилистому шоссе, обгоняя автобусы и мотоциклы. За окном мелькали горы — настоящие, огромные, поросшие лесом. Чем дальше мы удалялись от города, тем выше и причудливее они становились. Кварцитовые столбы вырастали прямо из земли, без предупреждения, как будто им надоело прятаться.

Через сорок минут мы въехали в Улиньюань — небольшой городок, состоящий, кажется, из одних отелей и сувенирных лавок. Мой отель стоял на склоне холма — скромное трёхэтажное здание с видом на первый, самый близкий пик. Он был так близко, что, казалось, можно дотянуться рукой до его вершины, укутанной облаком.

Первый вечер под взглядом каменных великанов

Я заселился, бросил вещи в номере и вышел на балкон. Солнце садилось, и пики окрашивались в розовый, лиловый, золотой. Туман полз по их склонам, то открывая, то скрывая детали. Где-то вдалеке, на вершине одного из столбов, горел огонёк — там была смотровая площадка, и я знал, что через несколько дней буду стоять там и смотреть вниз.

В ресторане отеля меня ждал первый хунаньский ужин. Я заказал что-то наугад, ткнув пальцем в меню, — и получил тарелку нарезанной свинины, плавающей в алом озере из перца чили и сычуаньского перца горошком. От первого же куска у меня перехватило дыхание, из глаз брызнули слёзы, а язык онемел так, что я перестал его чувствовать. Официантка, наблюдавшая за мной, весело улыбнулась и принесла стакан соевого молока — говорят, оно лучше всего гасит огонь хунаньских специй.

Я сидел, глотал молоко, вытирал слёзы и смотрел в окно. Над пиками зажигались звёзды. Где-то в темноте перекликались цикады. Дракон Тяньлун, если верить старику, всё ещё плакал в ущельях.

Я был на месте. Приключение начиналось.

Глава 2: Деньги, которые любят высоту: Юани, карты и цифровая магия

Если вы думаете, что в горах Чжанцзяцзе можно расплатиться наличными, — вы правы. Но ровно настолько же, насколько правы были древние китайцы, верившие, что Земля покоится на спине черепахи. Технически — да, ваши юани

примут. Но посмотрят на вас так, словно вы предложили обменять шёлк на бусы из ракушек.

Чжанцзяцзе — это не просто национальный парк. Это высокотехнологичный туристический механизм, отлаженный до микрона. Здесь всё, от билета на канатную дорогу до пакетика жареных каштанов на смотровой площадке, покупается через сканирование QR-кода. И я, наученный опытом Гуанси, был к этому готов.

Почти.

Урок первый: терминал самообслуживания, который говорит только по-китайски

Моё финансовое крещение в Чжанцзяцзе случилось на следующее утро после приезда. Я стоял перед автоматической кассой у входа в парк Улиньюань и пытался купить билет. Терминал был новеньким, блестящим, с огромным сенсорным экраном, на котором переливались иероглифы. Кнопки переключения на английский не было. Вообще.

Я тыкал в экран наугад. Сначала терминал предлагал мне билет для пенсионеров (судя по картинке — улыбающийся старичок с палочкой). Потом — семейный абонемент на месяц (счастливая семья из четырёх человек). Потом — страховку от падения с высоты (человечек, летящий в пропасть, был изображён с поразительным натурализмом).

— Помочь? — раздался голос за спиной.

Я обернулся. Девушка лет двадцати, в униформе волонтера парка, смотрела на меня с сочувствием. Её английский

был безупречен, а бейджик гласил: «Сяо Лин. Я здесь, чтобы помогать».

Через тридцать секунд она сделала то, на что у меня ушло бы полчаса: выбрала правильный тип билета, переключила интерфейс в скрытый англоязычный режим (о котором я бы никогда не догадался — надо было провести тремя пальцами по диагонали) и поднесла сканер к моему AliPay. Терминал пиликнул, выплюнул пластиковую карточку, и я стал счастливым обладателем четырёхдневного пропуска в Пандору.

— Двести сорок восемь юаней, — сказала Сяо Лин. — Около трёх тысяч рублей. Дорого, но оно того стоит.

Я ещё не знал, насколько она права.

AliPay и WeChat Pay: два дракона вашего кошелька

В Гуанси я уже освоил азы китайской цифровой экономики. Но Чжанцзяцзе поднял мои навыки на новую высоту — в прямом смысле. Здесь, на смотровых площадках, висящих над бездной, работали те же платёжные системы, что и в супермаркетах Пекина. Я покупал бутылку воды на вершине горы Тяньцзы (высота — 1182 метра) и расплачивался телефоном. Я заказывал сувениры в лавке у подножия Небесной арки — и снова телефон. Даже уличный музыкант, игравший на эрху у входа в парк, имел табличку с QR-кодом: «Поддержите искусство — отсканируйте меня».

Главное правило, которое я вывел за эти дни: наличные — это для бабушек. Для всех остальных — телефон.

Но есть нюанс. Связь в горах Чжанцзяцзе нестабильна. В

ущельях сигнал пропадает, на вершинах — появляется снова, но слабый, как пульс умирающего. Однажды я попытался оплатить обед в ресторане на полпути к горе Тяньмэнь, и мой телефон предательски показал «No connection». Официант ждал. Очередь за мной ждала. Я судорожно перезагружал приложение, а в голове крутилась мысль: «Вот так и становятся должниками в китайских горах».

Спас меня всё тот же официант. Он достал из-под кассы портативный роутер, включил его и жестом показал: подключайся. Через минуту платёж прошёл. Я оставил щедрые чаевые, хотя в Китае это и не принято. Просто из благодарности за Wi-Fi, спасший мою честь.

Наличные: для бабушек, лесников и удачи

И всё же наличные в Чжанцзяцзе нужны. Не для выживания — для души.

Вот вам пример. На тропе, ведущей к горе Аватара, стояла старушка с корзиной. Она продавала сушёные грибы, собранные в здешних лесах, и мандарины. Никакого QR-кода у неё не было — только морщинистые руки и улыбка, обнажавшая два оставшихся зуба.

Я купил у неё пакетик грибов за двадцать юаней наличными. Она приняла купюру, внимательно её разглядела, потом поклонилась и сказала что-то на диалекте туцзя. Я не понял ни слова, но интонация была — благословляющая.

Лесник, встреченный мной в дальней части парка, тоже предпочитал наличные. Он продавал открытки с видами

Чжанцзяцзе, которые сам фотографировал и печатал. Десять юаней за штуку. Я купил три. Он был рад — видимо, поток наличных у него невелик.

И ещё один случай. У входа на стеклянный мост стоял монах в оранжевом одеянии. Он не продавал ничего — просто сидел и медитировал. Перед ним стояла чаша для подаяний. Я бросил туда пять юаней — просто так, на удачу. Монах не шелохнулся, но уголки его губ, кажется, дрогнули в улыбке.

Экономика страха: сколько стоит стеклянное небо

Отдельная статья расходов в Чжанцзяцзе — это аттракционы. Не в смысле парк развлечений, а в смысле «то, от чего у вас остановится сердце».

Стеклянный мост — триста юаней. Канатная дорога на гору Тяньцзы — семьдесят два юаня в один конец. Подъём на лифте Байлун, встроенном в скалу, — семьдесят два юаня. Смотровая площадка с прозрачным полом на горе Тяньмэнь — двадцать пять юаней (плюс стоимость бахил, потому что ходить по стеклу в уличной обуви нельзя).

Я подсчитал как-то вечером, сидя в номере: за день я потратил на «страх и восторг» около пятисот юаней. Шесть с половиной тысяч рублей. Много? Да. Но когда вы стоите на стеклянном мосту и смотрите, как под вашими ногами проплывают облака, вы понимаете: это не цена. Это инвестиция в воспоминания, которые останутся на всю жизнь.

Маленькая хитрость: приложения, спасающие кошелёк

Перед поездкой в Чжанцзяцзе я установил два приложе-

ния, которые здорово облегчили мне жизнь.

Первое — Trip.com (бывший Strip). Через него я покупал билеты на поезд, бронировал отели и даже заказал трансфер из аэропорта. Цены там ниже, чем на стойках, а интерфейс — на английском.

Второе — Didi (китайский аналог Uber). В Чжанцзяцзе общественный транспорт ходит не везде, а таксисты иногда заламывают конские цены для иностранцев. Didi решает эту проблему: вы вводите пункт назначения, приложение показывает фиксированную цену, и торговаться не нужно.

Правда, есть нюанс: Didi требует китайский номер телефона. Я оформил сим-карту China Mobile прямо в аэропорту Пекина за сто юаней, и она окупилась в первый же день.

Итог: сколько стоит чудо

Я вёл учёт расходов все десять дней. Если выкинуть перелёт и визу, чистое пребывание в Чжанцзяцзе обошлось мне примерно в сорок тысяч рублей. Сюда вошли: отель среднего класса (около трёх тысяч рублей за ночь), питание (от ста до трёхсот юаней в день), билеты в парк и на аттракционы, сувениры и транспорт.

Можно дешевле. Можно жить в хостеле за тысячу рублей, питаться лапшой быстрого приготовления и ходить пешком. Но я копил на это путешествие год и решил: если уж лететь на край света, чтобы увидеть парящие горы, то не стоит экономить на стеклянном мосту.

Деньги — это энергия. В Чжанцзяцзе эта энергия превра-

щается в ветер, который дует в лицо на высоте тысяча метров. В дрожь в коленях на прозрачном полу. В чай, которым угощает незнакомый лесник. В мандарин от старушки, у которой нет терминала, но есть благословение.

И это, поверьте, лучшая инвестиция в вашей жизни.

Глава 3: ОТЕЛЬ у ПОДНОЖИЯ: ПЕРВАЯ НОЧЬ ПОД ВЗГЛЯДОМ КАМЕННЫХ ВЕЛИКАНОВ

Отель назывался «Улиньюань Виста». Ничего особенно — три звезды, облупившаяся краска на фасаде, вывеска с иероглифами, которые я не мог прочесть. Но у него было одно преимущество, перевешивавшее все недостатки: он стоял в двухстах метрах от входа в национальный парк. И из окна моего номера были видны они. Те самые кварцитовые столбы.

Я заселился под вечер, когда солнце уже клонилось к закату. Администратор — молодой парень по имени Чэнь — говорил по-английски с сильным акцентом, но очень старался. Он вручил мне ключ-карту, бумажную карту парка (бесплатно, но с пометкой «верните при выезде») и маленький пакетик с чаем — комплимент от заведения.

«Номер триста двенадцатый, — сказал он. — Хороший вид. Очень хороший».

Он не обманул.

Комната с видом на бесконечность

Я открыл дверь, бросил рюкзак на пол и первым делом подошёл к окну. И замер.

Прямо передо мной, на расстоянии, которое, казалось, можно измерить не километрами, а вздохами, возвышался кварцитовый столб. Он был огромен — ярусов десять-двенадцать наслаивались друг на друга, поросшие цепкой зеленью, и уходили в небо, где вершина терялась в облаках. Закатное солнце окрасило камень в тёплый охристый цвет, и столб светился, как гигантская свеча, зажжённая кем-то невидимым.

Рядом с ним стояли другие — чуть ниже, чуть тоньше, но такие же невозможные. Они торчали из земли без всякой логики, как будто какой-то сумасшедший великан играл в бирюльки, а потом забыл убрать игрушки. У подножия столбов клубился туман — не тот, лёгкий и прозрачный, что я видел в Гуанси, а густой, почти осязаемый, похожий на вату. Он медленно полз вверх, обволакивая каменные основания, и казалось, что столбы парят в молоке.

Я стоял у окна, наверное, минут двадцать. Просто стоял и смотрел. Усталость после дороги, напряжение от поезда, суета вокзала — всё это растворилось в закатном свете, играющем на кварците.

Номер, который не притворяется роскошным

Когда я наконец оторвался от окна и осмотрел номер, то усмехнулся. Он был спартанским. Кровать с жёстким матрасом — в Китае вообще любят жёсткие матрасы, это считается полезным для спины. Письменный стол с чайником и двумя чашками. Телевизор, который я так и не включил за

всё время. Ванная комната — крошечная, но чистая, с табличкой «Экономьте воду — горы ждут».

На стене висела репродукция китайской картины: туманные пики, сосна на скале, иероглифы в углу. Я подошёл ближе и разглядел подпись художника — оказалось, это копия знаменитого пейзажа эпохи Сун, изображающего именно эти горы. Чжанцзяцзе вдохновлял художников задолго до того, как Джеймс Кэмерон снял «Аватар».

На столе лежала та самая карта парка, которую дал Чэнь. Я развернул её и погрузился в изучение. Маршруты, смотровые площадки, канатные дороги, туалеты (отмеченные с китайской дотошностью) — всё это было нарисовано с такой подробностью, что напоминало карту сокровищ. Чжанцзяцзе — огромен. Четыре дня, которые у меня были, — это лишь малая часть того, что можно здесь увидеть.

Но я не жадничал. Я знал: лучше увидеть меньше, но почувствовать глубже.

Первый ужин: крещение огнём

В ресторане отеля меня ждало первое настоящее знакомство с хунаньской кухней. Я уже слышал о ней — одна из самых острых в Китае, соперничающая с сычуаньской. Но слышать и пробовать — разные вещи.

Я заказал «Свинину по-хунаньски» — просто потому, что это было единственное блюдо в меню с английским переводом. Через пятнадцать минут официантка принесла тарелку, и я понял: это война.

Свинина плавала в море алого масла, в котором плавали целые стручки сушёного перца чили и горошины сычуаньского перца — того самого, что вызывает онемение. Над тарелкой поднимался пар, и я, вдохнув его, немедленно закашлялся.

Первый кусок я положил в рот с опаской. Второй — уже с интересом. К пятому куску я глотал слёзы, пот тёк по лбу, язык онемел и отказывался различать вкусы. Но остановиться было невозможно. Это была не еда — это был наркотик. Боль и наслаждение, сплетённые в один жгучий узел.

Официантка, проходившая мимо, заметила моё состояние и принесла стакан соевого молока — без просьбы, просто поставила и улыбнулась. «Хорошо?» — спросила она. «Очень», — прохрипел я и отхлебнул молока.

Позже я узнал, что хунаньцы считают: острая еда помогает переносить влажный климат. Перец разгоняет кровь, выгоняет сырость из тела и поднимает настроение. Не знаю насчёт сырости, но настроение после ужина у меня действительно было отличным. Хотя язык пришёл в норму только через час.

Ночь под аккомпанемент цикад

После ужина я вышел на балкон. Темнота в Чжанцзяцзе — это особая темнота. Здесь нет городского зарева, нет неоновых вывесок (в этой части Улиньюаня их почти нет). Только горы, звёзды и цикады.

Цикады в Хунани — это оркестр. Они заводят свою песню

с заходом солнца и не замолкают до утра. Их стрекот — не монотонный, он пульсирует, нарастает и затихает волнами, словно у музыкантов есть дирижёр и партитура. К ним присоединяются лягушки из горных ручьёв и какой-то ночной птицы, чей крик похож на скрип несмазанной двери.

Я стоял на балконе, смотрел на звёзды и вдруг поймал себя на мысли: я счастлив. Просто так, без причины. Не потому что завтра увижу стеклянный мост. Не потому что потратил деньги и теперь обязан быть счастливым. А потому что вот он, этот момент, — тихий, тёплый, наполненный звуками чужой, но такой притягательной жизни.

Где-то там, в темноте, спали кварцитовые столбы. Тысячи лет они стоят здесь, равнодушные к туристам, к деньгам, к «Аватару». Они видели империи, которые рождались и рушились. Они пережили войны и революции. И когда меня не станет, они всё так же будут торчать из тумана, как каменные часовые вечности.

От этой мысли не становилось грустно. Наоборот — становилось спокойно.

Последняя сигарета дракона

Перед сном я заметил странное явление. Над одним из пиков, самым дальним, поднималась тонкая струйка дыма. Она была едва видна в темноте, но всё же различима. Я сначала подумал — пожар? Но дым был слишком ровным, слишком тонким.

Утром я спросил у Чэня, что это было. Он рассмеялся.

«Это не дым. Это туман поднимается от реки. Когда ночь тёплая, а вода холодная, пар идёт. Местные называют это "дыханием дракона". Говорят, Тяньлун всё ещё дышит. По ночам, когда никто не видит, он просыпается и выдыхает облака».

Я не знаю, правда ли это. Но той ночью, засыпая под стрекот цикад и глядя на струйку тумана над пиком, я готов был поверить во что угодно.

Завтра — стеклянный мост. Завтра — первый шаг над бездной. А сегодня — только горы, звёзды и дыхание дракона.

Глава 4: Врата в небо: Гора Тяньмэнь и лестница в 999 ступеней

Если Чжанцзяцзе — это сердце Хунани, то гора Тяньмэнь — его коронная чакра. Место, где небо встречается с землёй не в метафорическом, а в самом буквальном смысле. Потому что там, на высоте полутора километров, в скале зияет дыра. Огромная, идеально арочная, словно пробитая кулаком какого-то космического великана. Это Тяньмэнь — Небесные Врата. И я собирался пройти сквозь них.

Утро началось с фыркания. Я стоял перед зеркалом в ванной и уговаривал себя: «Ты же хотел приключений. Ты же читал про это. Ты же видел фотографии. Вперёд». Отражение смотрело на меня скептически, но спорить не стало.

Дорога, которая уже аттракцион

К горе Тяньмэнь ведёт канатная дорога. Не просто канат-

ная дорога, а самая длинная высокогорная канатная дорога в мире — семь с половиной километров над пиками, ущельями и городскими кварталами Чжанцзяцзе. Она начинается прямо в городе, у железнодорожного вокзала, и это создаёт сюрреалистический эффект: вы только что стояли на асфальте, среди машин и светофоров, и вдруг — раз! — вы уже плывёте по воздуху, а под вами проплывают крыши, огороды, потом деревья, потом скалы.

Кабинка была рассчитана на восемь человек, но мне повезло — я ехал один. Ветер покачивал кабинку, и она слегка поскрипывала. Я сидел, вцепившись в поручень, и пытался дышать ровно. Подо мной проплывали пики — сначала маленькие, словно игрушечные, потом всё выше и выше. Город исчез, остались только горы и небо.

На середине пути канатная дорога делает крутой поворот, и тут открывается вид на Тяньмэнь. Эта арка видна издали — крошечная на фоне гигантской скалы, но чем ближе подъезжаешь, тем грандиознее она становится. Диаметр — сто тридцать метров, высота — почти шестьдесят. В неё мог бы пролететь небольшой самолёт. И, кстати, пролетали — несколько лет назад китайский пилот-каскадёр пролетел сквозь арку на спортивном самолёте, и это транслировали по национальному телевидению.

Я смотрел на арку и думал: «Господи, я же туда полезу». 999 ступеней: число, которое имеет значение
У подножия лестницы, ведущей к арке, стоит каменная

стела. На ней иероглифами высечено: «999 ступеней». В китайской нумерологии девятка — число императора, число небесной полноты и удачи. Три девятки — это утроенная удача, благословение на восхождение.

Но когда я стоял внизу и смотрел вверх, я думал не об удаче. Я думал о том, что эти ступени — почти вертикальные. Они уходят в небо, как лестница Иакова, и теряются в тумане, который клубится вокруг арки.

— Вы идёте? — спросил гид, проходивший мимо с группой китайских туристов.

— Иду, — сказал я.

— Не спешите. Это не гонка. Это паломничество.

Хороший совет. Я запомнил его.

Первые сто ступеней дались легко. Вторые сто — уже тяжелее. На третьей сотне я начал считать. Не ступени — вдох. Вдох — шаг, выдох — шаг. Где-то на четырёхсотой ступени я перестал смотреть вверх (потому что цель казалась бесконечно далёкой) и сосредоточился на том, что прямо передо мной. Каменная ступень. Ещё одна. И ещё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.